

DOI: [10.14515/monitoring.2025.3.2655](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2655)

Р. С. Мухаметов

**ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ
И УРОВНЯ ПАТРИОТИЗМА ГРАЖДАН РФ:
АНАЛИЗ ДАННЫХ ВСЕМИРНОГО ОБЗОРА ЦЕННОСТЕЙ**

Правильная ссылка на статью:

Мухаметов Р. С. Взаимосвязь религиозности и уровня патриотизма граждан РФ: анализ данных Всемирного обзора ценностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 134—155. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2655>.

For citation:

Mukhametov R. S. (2025) The Relationship Between Religiosity and the Level of Patriotism of Russian Citizens: Analysis of Data from the World Values Survey (WVS). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 134–155. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2655>. (In Russ.)

Получено: 15.07.2024. Принято к публикации: 25.04.2025.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И УРОВНЯ ПАТРИОТИЗМА ГРАЖДАН РФ: АНАЛИЗ ДАННЫХ ВСЕМИРНОГО ОБЗОРА ЦЕННОСТЕЙ

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: muhametov2007@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>

Аннотация. Объяснить различия в уровне патриотизма одних граждан по сравнению с другими, опираясь исключительно на социально-демографические факторы, представляется недостаточным. Несмотря на то что влияние религиозности на политические предпочтения, конформизм при голосовании и ценностные установки активно изучалось, взаимосвязь религиозности и патриотизма оставалась на периферии научного интереса. Данное исследование призвано восполнить этот пробел. В теоретическом плане было выделено два аспекта религиозности: социальный, основанный на участии, и индивидуальный, связанный с набожностью и верой в значимость религии в жизни человека. Автор изучает, как религиозные убеждения и религиозное поведение, включая посещение богослужений, связаны с уровнем патриотизма населения. Автор выдвигает рабочую гипотезу и тестирует ее на основе социологического опроса, проведенного в России в 2017 г. в рамках седьмой волны Всемирного обзора ценностей (выборка — 1554 респондента с православной деноминацией). Главным методом анализа выступает регрессионное моделирование. В результате статистических расчетов установлена положительная связь религиозных убеждений с патриотизмом. В то же время религиозное поведение, выражаемое через посещение и/или участие

THE RELATIONSHIP BETWEEN RELIGIOSITY AND THE LEVEL OF PATRIOTISM OF RUSSIAN CITIZENS: ANALYSIS OF DATA FROM THE WORLD VALUES SURVEY (WVS)

Ruslan S. MUKHAMETOV¹ — Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Sciences
E-MAIL: muhametov2007@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Abstract. It seems insufficient to explain the differences in patriotism levels among some citizens compared to others by relying solely on socio-demographic factors. Even though the influence of religiosity on political preferences, voting conformity, and values has been actively studied, the relationship between religiosity and patriotism has remained on the periphery of scientific interest. This study aims to fill this gap. The article pays special attention to the definition and interpretation of the concept of patriotism. Theoretically, two aspects of religiosity were identified: social, based on participation, and individual, associated with piety and faith in the importance of religion in human life. The article examines the relationship between religious behavior when people attend worship services and religious beliefs held by people on the level of patriotism. The author puts forward a working hypothesis and tests it based on a sociological survey conducted in Russia in 2017 as part of the seventh wave of the World Values Survey (a sample of 1,554 respondents from the Orthodox denomination). The main method of analysis is regression modeling. As a result of statistical calculations, a positive relationship between the individual aspect of religiosity and patriotism has been established. At the same time, religiosity expressed through attendance and/or participation in religious organizations does not have a statistically significant effect

в религиозных организациях, не оказывает статистически значимого влияния на патриотические настроения. Автор считает, что это можно объяснить разнообразием общественно-политической повестки, присутствующей в рамках церковной среды.

Ключевые слова: патриотизм, национальная гордость, религия, религиозность, РПЦ, патриотическая журналистика

on patriotic sentiments. The author believes that this is well explained through the diversity of the socio-political agenda within the church.

Keywords: patriotism, national pride, religion, religiosity, The Russian Orthodox Church, patriotic journalism

Введение

Вопреки «тезису секуляризации», который утверждает, что религия является феноменом примитивного прошлого человека и исчезает с развитием науки, религия продолжает оказывать влияние на население как развивающихся, так и развитых стран [Узланер, 2020]. Согласно социологическим опросам, половина россиян считают себя религиозными (7 % — очень религиозными, 43 % — в какой-то мере религиозными), причем с июня 2017 г. и до настоящего времени этот показатель остается без значительных изменений¹. Согласно данным ФОМ, 21 % респондентов не считают себя верующими, остальные опрошенные (кроме 4 % затруднившихся с ответом) отнесли себя к сторонникам той или иной религии².

Предыдущие исследования много внимания уделяли изучению взаимосвязи религиозности и электоральных предпочтений избирателей в России. В одних работах отмечается, что высокий уровень религиозности был положительно связан с голосованием за «партию власти» в 2011 г. и В. В. Путина в 2012 г. [Ухватава, 2018], а в других — что он оказывает отрицательное влияние на конформистское голосование [Богачев, 2017]. Исследователи пришли к выводу, что политическая консолидация общества слабо связана с религиозными, конфессиональными ориентациями его членов, но религиозное население более лояльно властям, чем нерелигиозное [Локосов, 2006]. В литературе была выявлена положительная взаимосвязь между приверженностью православию и политическим консерватизмом [Ситников, 2007]. Ряд ученых фиксируют незначительное влияние религиозности на отношение к базовым экономическим и политическим ценностям демократии (свободным выборам, разделению властей, свободе слова) [Ситников, 2011]. Таким образом, многие работы фокусировались на связи религиозности с электоральным поведением и политическими установками граждан, но эмпирически не рассматривали, как религиозность связана с патриотическими настроениями.

Понятие патриотизма было предметом многочисленных дискуссий политических теоретиков и исследователей. В большинстве предыдущих исследований подчер-

¹ Церковь и государство // Левада-Центр. 2022. 19 января. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/19/tserkov-i-gosudarstvo-3/> (дата обращения: 10.06.2024) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

² Русская православная церковь // ФОМ. 2024. 2 мая. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15011> (дата обращения: 10.06.2024).

живается положительное влияние патриотизма на различные аспекты социальной жизни. Например, люди с высоким уровнем патриотизма с большей вероятностью поддерживали внедрение мер гигиены и социального дистанцирования в ответ на пандемию COVID-19 [Rupar at al., 2020]. Результаты показывают, что патриотизм способствует гражданскому участию [Richey, 2011], кроме того, он положительно связан с поддержкой гражданами уплаты налогов [Torgler, Schneider, 2007]. Наконец, патриотизм играет роль медиатора между субъективным благополучием и уровнем политической поддержки [Зубарев, 2023].

В то же время в ряде работ подчеркивается негативное влияние патриотизма на социальные установки и практики. Существует точка зрения, что патриотизм служит источником фанатизма, шовинизма и конфликтов, а также инструментом маргинализации или исключения меньшинств из «круга мы» [Hoyt, Goldin, 2016; Nussbaum, 2002]. Таким образом, существуют эмпирические доказательства как положительного воздействия патриотизма (например, участия в политической жизни и уплаты налогов), так и негативного.

Понятие «патриотизм» популярно в России, несмотря на изменения в его коннотациях [Trotsuk, 2017]. Исследовательский вопрос данного исследования: какова связь между религиозностью и уровнем патриотизма граждан в России? Анализ социальных факторов, связанных с патриотизмом, важен по двум причинам. Во-первых, он помогает выявить, какие социальные группы ощущают себя более маргинализированными внутри общества. Во-вторых, патриотизм может оказывать влияние на политические взгляды и поведение людей [Ishio, 2010].

Существующие объяснения патриотизма сосредоточены, как правило, на выявлении социально-демографических факторов. Исследователи полагали, что патриотизм положительно связан с частотой посещения религиозных служб и субъективно воспринимаемым социальным статусом и отрицательно — с уровнем образования [Фабрикант, Магун, 2020]. Д. Барри утверждает, что религиозность имеет негативную связь с патриотизмом, но данный тезис не получил эмпирического подтверждения [Barry, 2020]. Ученые демонстрируют, что большее чувство национальной гордости связано скорее с «разовыми» успехами элиты, чем с аспектами повседневной жизни, с которыми сталкиваются массы [Магун, Магун, 2009]. В предыдущих работах утверждается, что просмотр ТВ-новостей позитивным образом воздействует на уровень патриотизма, а также доказывается, что обеспокоенность граждан внешней угрозой увеличивает степень патриотических настроений [Мухаметов, 2024]. М. Леви выдвигает модель условного согласия, предполагающую, что уровень патриотизма зависит от восприятия гражданами своего правительства как заслуживающего доверия и справедливого [Levi, 1997]. Авторы стремились объяснить различия в уровне патриотических настроений граждан через социально-демографические характеристики, тогда как связь патриотизма с религиозностью остается недостаточно изученной. Значительная часть отечественной академической литературы посвящена исследованию взаимосвязи между религиозностью и рождаемостью [Пруцкова, Павлюткин, Борисова, 2023; Сигарева, Сивоплясова, 2019], моральными нормами [Алексеева, 2023; Пруцкова, 2013], базовыми ценностями [Пруцкова, 2014], а также индивидуальными предпочтениями относительно перераспределения социальных благ [Куль-

кова, 2018]. Таким образом, обзор академической литературы показывает, что предыдущие работы не дают полного ответа на исследовательский вопрос, поэтому основные положения этой статьи помогут расширить понимание взаимосвязи религиозности и патриотизма.

Патриотизм: концептуальные рамки

Существует широкий консенсус относительно концепции патриотизма как степени привязанности к своей нации и гордости за нее [Rothi, Lyons, Chrysochoou, 2005: 139—140]. С. Уорд определяет патриотизм как «групповую лояльность, которая включает в себя отношение, направленное с разной силой и различными способами на объект ценности» [Ward, 2010: 44].

Содержательная интерпретация патриотизма ассоциируется с общественно значимой деятельностью, провластным активизмом и социальной ответственностью. Патриотизм включает в себя четыре элемента: субъект (кто является патриотом), объект (кто или что является объектом этих отношений), природу особых отношений между субъектом и объектом патриотизма (например, любовь), обоснование патриотизма (почему патриотизм важен, необходим или даже неотложен) [Sardoc, 2017]. Основные проявления своего патриотизма люди видят в службе в армии, соответствующем воспитании детей, законопослушности и добросовестном труде на благо общества [Ивченков, Сайганова, 2019]. П. Гуд проводит различие между патриотизмом и «быть патриотом» в России. Последнее означает лояльность и участие в официальных «патриотических» акциях (парадах или уличных праздниках) [Goode, 2016]. С. Натансон считает, что патриотизм включает в себя четыре установки: особую привязанность к своей стране, чувство личной идентификации со страной, особую заботу о благополучии страны и готовность пожертвовать собой ради блага страны [Nathanson, 1993]. Сущность патриотизма, по мнению ряда исследователей, заключается в безусловной верности и глубокой любви к отечеству, а также в готовности ставить интересы соотечественников выше интересов других [Nincic, Ramos, 2012]. Ряд ученых выделяют такие черты, как жертвенность (люди защищают и приносят себя в жертву родине, а также избегают вещей, которые могут поставить под угрозу положение страны); национальный дух (люди гордятся положением дел в государстве и делают все, чтобы сделать свою страну лучше, чем вчера); лояльность (человек испытывает чувства лояльности к объекту, который близок к этому человеку) [Deraman, Razak, 2018]. Отечественные исследователи утверждают, что патриотизм в стране носит государственноцентричный характер [Fabrykant, Magun, 2019].

В научной литературе широко представлены различные виды патриотизма. Т. Адорно проводит различие между «псевдопатриотизмом» (то есть слепой приверженностью национальным ценностям, а также некритическим конформизмом, который основан на чувстве национального превосходства и безоговорочной поддержке действий властей) и «подлинным» патриотизмом, то есть любовью к родине и привязанностью к национальным ценностям, основанным на критическом понимании [Adorno et al., 1950]. Э. Стауб различает «слепой» и «конструктивный» патриотизм. Первый проявляется в отсутствии критического настроения, готовности принять изречение «это моя страна, права она или нет». Второй ставит лояльность

правительству страны в зависимость от определенных стандартов деятельности [Staub, 1997]. К. Паркер проводит разделение на «символический» и «слепой» патриотизм. Первый побуждает людей выражать основные ценности, в то время как второй представляет собой реакцию на восприятие мира как опасного. Сталкиваясь с угрозами личной и коллективной безопасности, включая экономическую неопределенность (например, безработицу, стагнацию) и социальные беспорядки (например, политическую нестабильность, насильственные конфликты), люди часто проявляют повышенное стремление к безопасности, стабильности и чувству национальной принадлежности [Parker, 2010]. Социальные и политические теоретики проводят различие между авторитарным (приверженность государственным институтам) и демократическим патриотизмом (склонность принципам и ценностям, лежащим в основе демократии) [Lummis, 1996].

Одним из камней преткновения для исследователей патриотизма было его смешение с национализмом. Хотя национализм и патриотизм — понятия, часто используемые как взаимозаменяемые, они подразумевают разные привязанности. Национализм означает лояльность социальной группе, с которой человек разделяет определенные физические черты или общие символы, а также относится к вере в национальное превосходство и доминирование. Патриотизм предполагает привязанность к стране, которая включает в себя как социальную группу, так и существующие нормы и институты, являющиеся основой государства [Nincic, Ramos, 2012].

Есть точка зрения, что патриотизм и национализм — две версии (позитивная и негативная) национальной гордости [Smith, Kim, 2006; Мухаметов, 2024]. Национальная гордость — это общее, позитивное и праздничное чувство в группе, обычно выражаемое в связи с моментами национального значения, включая спортивные успехи, политические вехи, культурные достижения и периоды экономического процветания [Sullivan, 2014]. Национальная гордость затрагивает эмоциональное измерение национальной идентичности, обращаясь к «чувству близости к своей стране и ее символам, гордости за них» [Citrin, Wong, Duff, 2001: 74].

Объяснение взаимосвязи религиозности и патриотизма: теоретические рамки и рабочая гипотеза

Опираясь на теоретические рассуждения, в данном разделе сформулируем рабочую гипотезу для дальнейшей эмпирической проверки. Вначале определимся с сущностью религиозности. Это степень, в которой человек придерживается веры в определенные религиозные ценности, идеалы, а также практикует их [Delener, 1990: 27], или религиозность — поведение, эмоции и мысли, производные от убеждений о священном и связанные с религиозной традицией [Sutantopntoi, Watt, 2013: 14].

Исследователи выделяют несколько подходов к измерению религиозности [Бабич, Хоменко, 2018; Пруцкова, 2012; Рыжова, 2016; Фолкнер, де Йонг, 2011]. В данной работе мы различаем индивидуальные и социальные формы религиозности, чтобы лучше понять потенциал их влияния на патриотизм граждан. Социальную религиозность (аспект, основанный на участии) можно рассматривать как посещение религиозных служб или принадлежность к религиозным организаци-

ям, в то время как личная / индивидуальная религиозность (аспект, основанный на набожности) объясняется верой в то, что важна религия или значимо быть религиозным [Kose, Cinar, 2024; Okulicz-Kozaryn, 2010]. Данное деление применительно к российскому случаю оправданно, так как, по мнению исследователей, одной из характерных черт постсоветского религиозного возрождения выступает сочетание декларативной православной идентичности с крайне низкой вовлеченностью в конкретные формы религиозной деятельности [Матецкая, 2022].

В рамках марксистского подхода религия понимается как «опиум народа». К. Маркс утверждал, что религия используется правящим классом как удобный способ отвлечь людей от участия в политике. Он рассматривал религию как реакцию на страдания и несправедливость, но при этом и как форму, удерживающую людей от активной борьбы за свои права. В. Ленин писал, что религия представляет собой один из видов духовного гнета людей, которые задавлены повседневными заботами и экономическим выживанием [Маркс, Энгельс, Ленин, 1983: 13]. Западные неомарксисты, основываясь на этом подходе, утверждали, что религия с ее идеологической направленностью на послушание и конформизм функционирует как ингибитор оппозиционной активности [Альтюссер, 2011].

Духовенство может оказывать влияние на формирование повестки дня членов своей общины. Оно целенаправленно работает над тем, чтобы прихожане верили в определенные заповеди и видели мир в определенном ракурсе. Существует несколько механизмов влияния церковных институтов на общественно-политические предпочтения прихожан через религиозное участие. Во-первых, религиозные учреждения предоставляют значительный объем информации для формирования мнений и ценностей с помощью проповедей. Духовенство обращается с посланиями, в которых толкуются не только библейские тексты, но и современные события, побуждая членов общины к дальнейшим размышлениям и, возможно, действиям. Общение священников с прихожанами — инструмент распространения политической информации, которая может помочь последним определить свои взгляды и позиции по актуальным вопросам. Во-вторых, церковные организации проводят формальные и неформальные групповые обсуждения и занятия, которые могут воздействовать на ценности прихожан и их отношение к конкретным действиям правительства. Общий механизм — коммуникация, которая продвигает определенные ценности, влияющие на то, как прихожане оценивают актуальные общественно-политические вопросы [Djure, Calfano, 2013; Djure, Gilbert, 2003]. В таком ракурсе представителей этой группы можно рассматривать как моральных (термин Г. Беккера), или нормативных (термин К. Санстейна), предпринимателей [Pozen, 2008].

Необходимо отметить, что общественно-политическая информация, распространяемая среди прихожан через проповеди, частные разговоры, групповые занятия и т. д., может содержать также и элементы критики властей. Т. Кельнер считает, что отношения между государством и церковью в России воспринимаются и описываются как сложное взаимодействие двух институтов, вовлеченных в сотрудничество, конкуренцию и частично конфликт [Kollner, 2020]. Между властями и Русской православной церковью (РПЦ) наблюдается не только идеологическое сходство (например, совпадение видения места России в мире, антиамерика-

низм), но и расхождение во взглядах по ряду вопросов [Richters, 2012]. Можно согласиться с К. Штекль, которая разделяет политический активизм, с одной стороны, Московской патриархии, а с другой — активистов-священников и низовых представителей Церкви, которые непосредственно контактируют с прихожанами. По мнению исследователя, Патриархия зачастую действует таким образом, как будто РПЦ является государственной церковью, в то же время определенные группы внутри церкви видят себя в ситуации отделения церкви от государства, в качестве антагониста светского государства, которое ведет с ними «культурную войну» [Штекль, 2018].

Исходя из теоретических рассуждений, мы можем сформулировать рабочую гипотезу: высокая религиозность граждан положительно коррелирует с уровнем патриотизма.

В следующих разделах статьи теоретическое предположение будет проверено на основе эмпирических данных.

Источник данных, переменные и методы исследования

Основным источником данных для анализа стал проект «Всемирный обзор ценностей» («World Value Survey»)³. Это глобальный исследовательский проект, который изучает ценности и убеждения людей, как они меняются с течением времени и какое социальное и политическое влияние оказывают. В России последний опрос был проведен в 2017 г. в рамках 7-й волны. Всего было опрошено 1810 человек.

Для анализа данных были исключены ответы лиц, которые 1) не являлись гражданами РФ, 2) не говорят дома на русском языке, 3) исповедуют другие религии, кроме православного христианства. Ответы, содержащие пропуски, были отфильтрованы. Оставлены те опрошенные, которые идентифицировали себя в качестве приверженцев православия (1004 человека) или никакой религии не исповедуют (550 человек). Это связано с тем, что, по мнению исследователей, РПЦ рассматривает всех этнических русских как принадлежащих к одной религиозной традиции [Agadjanian, Kenworthy, Daughrity, 2011]. Как полагают ученые, в России от 60 % до 80 % опрошиваемых идентифицируют себя с православием, но доля практикующих православных составляет только от 3 % до 15 % [Емельянов, 2018]. Несмотря на то что страна относится к многонациональным государствам [Walker, 1994], по степени этнической и культурной фрагментарности она считается умеренно гомогенной [Fearon, 2003]. В итоговую выборку после исключения включены ответы 1554 респондентов (почти 86 % от общего числа опрошенных).

Зависимая переменная — патриотизм — операционализируется через вопрос «Насколько Вы гордитесь тем, что Вы россиянин?» (ответы имеют 4-балльную шкалу). По мнению В. Аксенова, одно из самых распространенных патриотических чувств — чувство национальной гордости [Аксенов, 2023]. В предыдущих эмпирических исследованиях, авторы которых опирались на данные опросов «Всемирный обзор ценностей» или «Национальная идентичность» Международной программы

³ Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (eds.) World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile Version 5.0. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVS Secretariat, 2022.

социальных исследований (The International Social Survey Programme), патриотизм измерялся именно через национальную гордость [Davidov, 2009; Mußotter, 2022].

Независимой переменной является религиозность респондентов. Напомним, что в данной работе мы различаем социальную и индивидуальную формы религиозности. Для измерения первой формы использовались два показателя:

1) участие в религиозных организациях, или переменная «Участие» («1» — «активно участвуете»; «2» — «состоите, но активно не участвуете»; «3» — «не состоите в этой организации или группе»);

2) частота посещения церкви, или переменная «Посещение», которая была операционализирована через ответ на вопрос: «Не считая венчаний и похорон, как часто Вы посещаете религиозные службы в настоящее время?» (где «1» — «чаще, чем раз в неделю», а «7» — «никогда, почти никогда»).

Частное религиозное поведение (переменная «Молитва») было измерено через вопрос «Не считая венчаний и похорон, как часто Вы молитесь Богу?» (где «1» — «несколько раз в день», а «8» — «никогда, почти никогда»).

Религиозные убеждения респондентов (переменная «Убеждения») оценивались с помощью вопросов о важности Бога в жизни, где «1» — «совсем не важен», а «10» — «очень важен». Для упрощения количественного анализа данная переменная была перекодирована в обратном порядке.

Другие теоретически релевантные предикторы индивидуального уровня рассматриваются как контрольные переменные, то есть детерминанты, которые не представляют первоочередной интерес для исследования, но учитываются. Их главная цель — исключить или свести к минимуму вероятность влияния на результат исследования других факторов. Основываясь на результатах предыдущих работ, пол респондентов, возраст опрошенных и уровень их образования включены как контрольные переменные для анализа взаимосвязи религиозности и национальной гордости на индивидуальном уровне [Evans, Kelley, 2002; Smith, Kim, 2006].

Другими контрольными переменными выступают такие субъективные характеристики респондентов, как уровень счастья («Говоря в целом, можете ли Вы сказать, что Вы очень счастливы, довольно счастливы, не очень счастливы или совсем не счастливы?»), степень удовлетворенности жизнью («Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?») и финансовым положением («Насколько Вы удовлетворены финансовым положением Вашей семьи?»). Использование данных предикторов обусловлено выводами предшествующих исследований, авторы которых пришли к выводу, что субъективное благополучие положительно влияет на чувства и отношение человека к своей стране [Зубарев, Морева, Понарин, 2024]. На этапе анализа варианты ответов респондентов на такие вопросы, как год рождения, уровень образования, удовлетворенность жизнью и финансовым положением семьи, были перевернуты таким образом, чтобы минимальное значение (1) отражало наивысший уровень ответов.

Наконец, в настоящей работе важно контролировать влияние просмотра ТВ-новостей. В теоретическом плане эта переменная опирается на теорию культивирования, разработанную Дж. Гербнером. Согласно этому подходу, новостных телепередачи имеют потенциал оказывать влияние на картину мира людей, которые уделяют больше времени их просмотру. Теория предсказывает, что чем больше

времени человек проводит за просмотром телевизора, тем больше вероятность, что его взгляды на реальность будут отражать то, что показывают по телевизору [Gerbner, Gross, 1976; Gerbner et al., 1980]. Переменная «ТВ-новости» была выражена через ответы на вопрос: «Люди узнают о происходящем в России и в мире из разных источников. По каждому из следующих источников скажите, пользуетесь Вы им каждый день („1“); каждую неделю („2“); каждый месяц („3“); реже, чем раз в месяц („4“); или никогда („5“)?».

Методом исследования выступила упорядоченная логистическая регрессия, так как зависимая переменная является порядковой. Анализ количественных данных осуществлен в прикладном программном пакете для эконометрического моделирования Gretl.

Эмпирический анализ и обсуждение результатов

В данном разделе представлены (см. табл. 1) результаты статистического анализа воздействия религиозности (социальный и личный аспекты) на уровень патриотизма граждан РФ. Чтобы обеспечить достоверность статистических выводов, мы включили в анализ стандартные ошибки с поправкой на гетероскедастичность. Такой подход обеспечивает более надежные оценки статистической значимости, снижая риск получения неверных выводов. Построенная регрессионная модель проверена на наличие мультиколлинеарности. Применение метода инфляционных факторов показало ее отсутствие.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа

Переменные	Коэффициент	Ст. ошибка	p-значение	95% доверительный интервал	
				Нижний	Верхний
Участие	0,026	0,056	0,851	-0,307	0,253
Посещение	0,032	0,016	0,366	-0,038	0,103
Молитва	0,047	0,010	0,056*	-0,001	0,095
Убеждение	0,053	0,009	0,003***	-0,089	-0,017
ТВ-новости	0,244	0,024	0,000***	0,143	0,346326
Пол	-0,023	0,046	0,8316	-0,189	0,235
Возраст	0,033	0,014	0,3398	-0,102	0,035
Образование	-0,142	0,011	0,000***	0,085	0,198
Счастье	0,104	0,040	0,098*	-0,043	0,253
Удовл. жизнью	0,075	0,013	0,01**	-0,134	-0,017
Удовл. финанс. положением	0,063	0,011	0,024**	-0,119	-0,008
const	1,249	0,214	0,000***		

Примечание. Количество наблюдений: 1554, R-квадрат — 0,34; исправленный R-квадрат — 0,31. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Как показано в таблице 1, если мы измеряем религиозность через участие (две первые переменные), то наша рабочая гипотеза (высокая религиозность граждан положительно коррелирует с уровнем патриотизма) эмпирически не под-

тверждается, так как влияние переменных оказалось статистически незначимым ($p=0,857$, $p=0,366$). Следующие две переменные выражают личную религиозность. Из таблицы 1 видно, что переменная «Молитва» статистически значима ($p=0,56$), но на уровне 10% — это выше стандартного порога значимости 0,05 и означает, что связь между молитвой и патриотизмом статистически не является строго значимой на уровне 5%. Коэффициент регрессии показывает, что частота молитв Богу положительно влияет на уровень патриотических настроений: рост числа молитв на один пункт приводит к увеличению патриотизма на 0,047 пункта при прочих равных. Переменная «Убеждение» также статически значима ($p=0,003$). Исследование установило, что чем выше важность Бога для опрошенных, тем выше и уровень их патриотизма. Таким образом, если мы измеряем религиозность респондентов через набожность, то рабочая гипотеза, согласно которой высокая религиозность граждан РФ положительно коррелирует с уровнем патриотизма, в целом эмпирически подтверждается. В этом плане можно согласиться, что православное христианство в России является политической религией [Мацевич, Семедов, 2012].

Предыдущие исследования показали тесную взаимосвязь между религиозностью, выраженной в посещении церковных институтов, и патриотизмом: согласно данным по европейским странам, прихожане, как правило, особенно гордятся своими государствами [Trittler, 2017], что противоречит нашим выводам. Результаты настоящего исследования требуют определенной интерпретации. Исследователи отмечают, что существует раскол между официальной Церковью, представленной Московским патриархатом, руководящим органом РПЦ, и неофициальной Церковью — неконформистским духовенством и активистами-мирянами [Штекль, 2018; Kollner, 2020; Richters, 2012]. Важно подчеркнуть: представители низового духовенства, непосредственно контактирующие с прихожанами, придерживаются разных общественно-политических воззрений, и это может сказываться на характере информации, которой они обмениваются с прихожанами. В литературе представлены различные классификации течений внутри РПЦ. В частности, А. Коскелло называет три субкультуры: православные монархисты, сталинисты и либералы⁴. А. Б. Рогозянский выделяет модернистов, неоконсерваторов, фундаменталистов, консерваторов и ревнительство⁵. Другие исследователи считают, что в РПЦ существует только два противоположных лагеря (фундаменталисты и либералы), которые имеют разное понимание греха, православных медиа, государства, науки, института семьи и т. д.⁶ Приходские священники могут использовать свое положение для того, чтобы поощрять прихожан к самостоятельному анализу информации и формированию собственного мнения. Степень и харак-

⁴ Коскелло А.С. «Остров, где все у нас есть» (Об идейных течениях в современной РПЦ) // Социодиггер. 2021. № 8. С. 22—29. URL: <https://sociodigger.ru/releases/release/religiozny-aktivizm> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵ Рогозянский А. Модернистское течение в РПЦ // Русская народная линия. 2008. 18 сентября. URL: https://ruskline.ru/analitika/2008/09/18/modernistskoe_techenie_v_rpc (дата обращения: 10.06.2024); Рогозянский А. Нео-консервативное течение в РПЦ // Русская народная линия. 2008. 22 сентября. URL: https://ruskline.ru/analitika/2008/09/22/neo-konservativnoe_techenie_v_rpc (дата обращения: 10.06.2024); Рогозянский А. Фундаментализм, консерватизм и ревнительство в РПЦ // Русская народная линия. 2008. 29 сентября. URL: https://ruskline.ru/analitika/2008/09/29/fundamentalizm_konservativizm_i_revnitelstvo_v_rpc/ (дата обращения: 10.06.2024).

⁶ Артем Нарышкин. Фундаменталисты против либералов: противостояние внутри РПЦ // СНОБ. 2020. 28 февраля. URL: <https://snob.ru/entry/189444/> (дата обращения: 10.06.2024).

тер распространяемых сообщений (вопросов, которые приводят к моральным и этическим размышлениям членов общины) зависят от конкретного прихода или священника. Например, часть духовенства выступила с призывом к примирению и прекращению СВО⁷. В то же время через проповеди, религиозные уроки и наставления духовенство передает и конформистские взгляды. Приходские священники могут использовать свое влияние и авторитет для поддержки общественно-политического порядка и социальной стабильности, а также распространять идеи, способствующие единству и согласию среди прихожан. В связи с тем, что представители духовенства придерживаются разных общественно-политических убеждений, через интерпретацию религиозных текстов, проповеди и беседы, обсуждения политических тем у прихожан формируются разноплановые знания и представления о политике. Это обосновывает точку зрения, согласно которой социальный аспект религиозности не оказывает статистически значимого воздействия на патриотические настроения граждан.

Результаты статистического анализа показали положительное влияние медиа на уровень патриотизма: увеличение просмотра ТВ-новостей на один процентный пункт приводит к росту уровня патриотизма на 0,244 пункта, что соответствует нашим ожиданиям. Этот коэффициент регрессии больше, чем у религиозности. По мнению исследователей, СМИ могут выполнять несколько ролей, в том числе роль «лояльного фасилитатора» [Mellado, 2015]. Под этим понимается то, что журналисты сотрудничают с властями, представляя политическую элиту в позитивном свете [Mellado et al., 2017]. Кроме того, в теоретическом плане этот вывод опирается на концепцию «патриотической» журналистики, то есть такой, для которой характерны следующие черты: принятие и представление правительственной трактовки общественно-политических событий; отсутствие нейтральности и объективности при информировании граждан; игнорирование противоположных взглядов или альтернативных нарративов; избегание честного представления другой стороны, ее повествований и позиций; выражения и жесты солидарности со своей нацией, этнической группой при освещении таких событий [Ginosar, 2015; Ginosar, Cohen, 2019]. Журналисты, освещающие международные события, зачастую склонны придерживаться определенной интерпретации, которая соответствует официальной позиции государства. Это может объясняться тем, что, с одной стороны, они стремятся к объективности и точности, а с другой — как граждане своей страны разделяют ее ценности и интересы. Во времена международных кризисов национальная идентичность доминирует над профессиональной, следовательно, журналисты предпочитают выражать солидарность со своим национальным сообществом, а не действовать в соответствии с профессиональными кодексами. Это обусловлено тем, что сами журналисты находятся под влиянием событий [Ginosar, Kononov, 2015].

Результаты регрессионного анализа демонстрируют, что фактор образования оказывает негативное воздействие на уровень патриотизма: чем выше уровень образования, тем ниже уровень национальной гордости. Как подчеркивают ис-

⁷ Священники Русской Православной Церкви: «Мы призываем к немедленному прекращению огня» // Правмир. 2022. 1 марта. URL: <https://www.pravmir.ru/svyashhenniki-russkoj-pravoslavnoj-czerkvi-my-prizyvaem-k-nemedlennomu-prekrashheniyu-ognya/> (дата обращения: 10.06.2024).

следователи, более высокий уровень образования углубляет понимание сложности общества и индивидуального поведения, расширяет знания и понимание различных норм и ценностей, а также повышает когнитивные способности, необходимые для сложного анализа проблем, чтобы уравновесить упрощения, присущие большинству членов группы [Coenders, Scheepers, 2003]. Необходимо отметить, что данный вывод противоречит результатам предыдущих исследований. На гражданское образование традиционно возлагается ответственность за привитие чувства национальной идентичности, привязанности и лояльности к национальному государству, а также патриотизма, который обычно ассоциируется с задачей формирования у граждан послушания, конформизма и почтения к властям [Leung, 2004]. Считается, что массовое образование представляет собой инструмент по формированию чувства лояльности, гордости, преданности, подчинения конституции и закону у учеников, привитию понимания и знаний учащимся, чтобы они любили и защищали свою нацию и отечество [Saputra, Murdiono, Tohani, 2023].

Наконец, исследование выявило положительную взаимосвязь между субъективно воспринимаемым уровнем счастья и уровнем национальной гордости. Стоит отметить, что большинство предыдущих работ изучало воздействие патриотизма на субъективное благополучие [Камалов, Понарин, 2020; Ha, Jang, 2015]. Кроме того, результаты регрессионного анализа показывают, что субъективное финансовое благополучие и патриотизм связаны. Это подтверждается и другими учеными, которые утверждают, что чувство относительной бедности негативно влияет на патриотическое поведение, в то время как финансовое благополучие формирует национальную гордость [Sharimakin, Alao, Omosuyi, 2024].

Заключение

Статья представляет собой попытку исследовать взаимосвязь между религиозностью граждан и уровнем их патриотизма, измеряемым через уровень национальной гордости. Авторы предыдущих работ уделяли основное внимание изучению воздействия религиозности граждан на политические предпочтения, конформистское голосование и ценностные установки. Вопрос о взаимосвязи патриотизма и религиозности находился на периферии академических изысканий. Результаты немногочисленных исследований носили противоречивый характер: в одних был задокументирован положительный эффект воздействия религиозности на патриотизм, а в других — отрицательный.

Проверяя рабочую гипотезу о связи религиозности с патриотизмом, мы высказали теоретическое ожидание, что высокая религиозность граждан положительно коррелирует с уровнем патриотизма. Для эмпирического тестирования рабочей гипотезы использовались данные социологического опроса, проведенные в России в 2017 г. в рамках 7-й волны «Всемирного обзора ценностей». Результаты регрессионного анализа выявили, что религиозность, выражаемая через посещение и/или участие в религиозных учреждениях (социальный аспект религиозности), не оказывает статистически значимого воздействия на патриотизм. Вероятно, это обусловлено наличием разных общественно-политических и религиозных групп внутри РПЦ и, следовательно, распространением среди членов общины разных нарративов. Что касается индивидуального аспекта религиозности, то более ре-

лигиозный (набожный) человек с большей вероятностью будет испытывать гордость за страну в целом. Кроме того, к выводу можно отнести и подтвердившееся предположение о положительном влиянии на уровень патриотизма просмотра ТВ-новостей. По итогам исследования выявлено негативное воздействие уровня образования граждан на национальную гордость. Наконец, исследование показало положительную взаимосвязь между субъективно воспринимаемым уровнем счастья и патриотизмом. Из всех исследуемых детерминант наибольшее влияние оказывают образовательный фактор и просмотр телевизионных новостей.

Необходимо отметить, что исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, основные положения были сделаны на основе анализа социологического опроса, проведенного в 2017 г. Для более полного вывода следует в будущих научных работах использовать данные за несколько временных отрезков. Во-вторых, патриотизм респондентов, как и в предшествующих работах, был измерен через уровень национальной гордости, но это не единственный способ измерения. В анкете, составленной социологами «Всемирного обзора ценностей», присутствует вопрос «Конечно, все мы надеемся, что новой войны не будет, но если она все-таки случится, готовы Вы были бы сражаться за свою страну?» с вариантами ответа «да» и «нет», который в дальнейших исследованиях может быть взят за основу операционализации зависимой переменной.

Список литературы

1. Аксенов В. Б. Война патриотизмов: пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023. Aksenov V. B. (2023) War Patriotism: Propaganda and Mass Sentiments in Russia During the Collapse of the Empire. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
2. Алексеева (Калиновская) П. А. Связь религиозности и ценностно-нормативных представлений о браке: взгляд российской брачной молодежи // Мир России. 2023. № 3. С. 119—144. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-119-144>. Alekseeva (Kalinovskaya) P.A. (2023) The Connection Between Religiosity and Value-Normative Ideas about Marriage: The View of Russian Married Youth. *The Universe of Russia*. No. 3. P. 119—144. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-119-144>. (In Russ.)
3. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 159—175. Althusser L. (2011) Ideology and Ideological Apparatuses of the State (Notes for Research). *Inviolable Reserve*. No. 3. P. 159—175. (In Russ.)
4. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Шкала «предрасположенность к религиозности»: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 94—104. Babich N. S., Khomenko V. I. (2018) Scale «Predisposition to Religiosity»: Empirical Validation and Developing a More Formalized Measurement Model. *Sociological Studies*. No. 1. P. 94—104. (In Russ.)

5. Богачёв М. И. Православный — не значит провластный: причины наличия расхождений в партийных предпочтениях разнотерковокленных православных верующих // *Власть*. 2017. № 8. С. 115—121.
Bogachev M. I. (2017) Orthodox does not mean Pro-government: the Reasons for the Presence of Discrepancies in the Party Preferences of Orthodox Believers of Different Churches. *Power*. No. 8. P. 115—121. (In Russ.)
6. Емельянов Н. Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 2. С. 32—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.02>.
Emelyanov N. N. (2018) Religiosity Paradox: Where Do Believers Come From? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 32—48. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.2.02>. (In Russ.)
7. Зубарев Н. С. Национальная гордость как медиатор доверия президенту (Случай России) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2023. № 1. С. 126—140. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-126-140>.
Zubarev N. S. (2023) National Pride as Mediator of Trust in President (Case of Russia). *Politeia*. No. 1. P. 126—140. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-126-140>. (In Russ.)
8. Зубарев Н. С., Морева Ю. Е., Понарин Э. Д. Субъективное благополучие и национальная гордость россиян: анализ причинно-следственных связей // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 4. С. 56—70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.05>.
Zubarev N. S., Moreva Iu. E., Ponarin E. D. (2024) Subjective Well-being and the National Pride of Russians: causal analysis. *Polis. Political Research*. No. 4. P. 56—70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.05>. (In Russ.)
9. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // *Вестник Института социологии*. 2019. Т. 10. № 1. С. 104—119. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.558>.
Ivchenkov S. G., Saiganova E. V. (2019) Patriotism as a Component of Public Consciousness: A Generational Measurement Perspective. *Vestnik instituta sotsiologii*. Vol. 10. No. 1. P. 104—119. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.558>. (In Russ.)
10. Камалов Э. А., Понарин Э. Д. Национальная гордость и субъективное благополучие россиян // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 177—205. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.08>.
Kamalov E., A. Ponarin E. D. (2020). National Pride and Subjective Well-Being of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 177—205. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.08>. (In Russ.)
11. Кулькова А. Религия и социальная справедливость: обзор исследований влияния религиозности на предпочтения относительно социальной политики // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. № 2. С. 251—264.

- Kulkova A. (2018) Religion and Social Justice: a Review of Studies on the Influence of Religiosity on Preferences Regarding Social Policy. *Journal of Social Policy Research*. No. 2. P. 251—264. (In Russ.)
12. Локосов В. В. Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 83—89.
Lokosov V. V. (2006) Does Religiosity Influence the Political Consolidation of Society? *Sociological Studies*. No. 11. P. 83—89. (In Russ.)
13. Магун А. В., Магун В. С. Связь со страной и гордость за ее достижения (Российские данные в контексте международных сравнений) // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 103—113.
Magun A. V., Magun V. S. (2009) Connection with the Country and Pride in its Achievements (Russian Data in the Context of International Comparisons). *Social Sciences and Modernity*. No. 2. P. 103—113. (In Russ.)
14. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О религии. М.: Политиздат, 1983.
Marx K., Engels F., Lenin V. I. (1983) On Religion. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
15. Мациевич И. В., Семедов С. А. Политические религии в современном мире // Вестник Института социологии. 2012. № 1. С. 35—49.
Matsievich I. V., Semedov S. A. (2012) Political Religions in the Modern World. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 3. No. 1. P. 35—49. (In Russ.)
16. Мухаметов Р. С. Почему граждане гордятся страной? Роль СМИ и восприятия внешних угроз в формировании национальной гордости в России // Экономическая социология. 2024. № 4. С. 20—45. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-20-45>.
Mukhametov R. S. (2024) Why are Citizens Proud of the Country? The Role of the Media and Perception of External Threats in Shaping National Pride in Russia. *Economic Sociology*. No. 4. P. 20—45. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-20-45>. (In Russ.)
17. Пруцкова Е. В. Влияние религиозности на базовые ценности населения европейских стран: эффект первичной религиозной социализации // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / под ред. Е. Ясина. М., 2014. Кн. 3. С. 527—536.
Prutskova E. V. (2014) The Influence of Religiosity on the Basic Values of the Population of European Countries: The Effect of Primary Religious Socialization. In: Yasin E. (ed.) *XIV April International Scientific Conference on the Development of Economics and Society: In 4 Books*. Moscow. Book 3. P. 527—536. (In Russ.)
18. Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 268—293.
Prutskova E. V. (2012) Operationalization of the Concept of «Religiosity» in Empirical Research. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. No. 2. P. 268—293. (In Russ.)

19. Пруцкова Е. В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72—88.
Prutskova E. V. (2013) Religiosity and its Consequences in the Value-normative Sphere. *Sociological Journal*. No. 2. P. 72—88. (In Russ.)
20. Пруцкова Е. В., Павлюткин И. В., Борисова О. Н. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 103—126. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359>.
Prutskova E. V., Pavlyutkin I. V., Borisova O. N. (2023) Religiosity and Fertility in Russia and Other European Countries: The Effect of Social Context. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 103—126. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359>. (In Russ.)
21. Рыжова С. В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118—127.
Ryzhova S. V. (2016) Features of Studying Religious Identity of Russians. *Sociological Studies*. No. 10. P. 118—127. (In Russ.)
22. Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Рождаемость и религиозность в России: оценка взаимосвязи // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 1. С. 104—115. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.1.10>.
Sigareva E., Sivoplyasova S. (2019) Fertility and Religiosity in Russia: Assessing Interaction. *Logos et Praxis*. Vol. 18. No. 1. P. 104—115. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.1.10>. (In Russ.)
23. Ситников А. В. Влияние православия на политические предпочтения граждан России // Социология власти. 2007. № 3. С. 126—135.
Sitnikov A. V. (2007) The Influence of Orthodoxy on the Political Preferences of Russian Citizens. *Sociology of Power*. No. 3. P. 126—135. (In Russ.)
24. Ситников А. В. Религия в демократическом обществе: как влияет воцерковленность на политическую культуру? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4. Педагогика. Психология. 2011. № 20. С. 19—28.
Sitnikov A. V. (2011) Religion in a Democratic Society: How does Church Membership Affect Political Culture? *St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*. No. 20. P. 19—28. (In Russ.)
25. Узланер Д. Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.
Uzlaner D. (2020) Postsecular Turn: How to Think about Religion in the XXI century. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)
26. Ухватова М. В. Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 4. С. 26—48.
Uhvatova M. V. (2018) Religion and Electoral Behavior in Russia: Regional Aspect. *Bulletin of Perm University. Political Science*. No. 4. P. 26—48. (In Russ.)

27. Фабрикант М. С., Магун В. С. Вера в превосходство своей страны, ее индивидуальные и страновые различия // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14—16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М. : РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 1545—1555. Fabrykant M. S., Magun V. S. (2020) Belief in the Superiority of one's country, its Individual and Country Differences. In: Mansurov V., Ivanov E. (eds.) *Sociology and Society: Traditions and Innovations in Social Developments in the Region: A Compendium of Reports of the All-Russian Sociological Congress (Tyumen, 14—16 October 2020)*. Moscow: Russian Society of Sociologists; FCTAS RAS. P. 1545—1555. (In Russ.)
28. Фолкнер Д., де Йонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 69—77. Faulkner J.E, Jong G. F. (2011) Religiosity in Five Dimensions: An Empirical Analysis. *Sociological Studies*. 2011. No. 12. P. 69—77. (In Russ.)
29. Штекль К. Три модели церковно-государственных отношений в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 3. С. 195—223. Stoeckl K. (2018) Three Models of Church-state Relations in Modern Russia. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. No. 3. P. 195—223. (In Russ.)
30. Adorno I. W., Frenkel-Brunswlk E, Levinson D. J., Sanford R. N. (1950) The Authoritarian Personality. New York, NY: Harper & Row.
31. Barry D. (2020) The Relationship Between Religious Nationalism, Institutional Pride, and Societal Development: A Survey of Post-communist Europe. *Journal of Developing Societies*. Vol. 36. No. 1. P. 77—94. <https://doi.org/10.1177/0169796X20902309>.
32. Citrin, J., Wong C., Duff B. (2001) The Meaning of American National Identity: Patterns of Ethnic Conflict and Consensus. In: Ashmore R., Jussim L., Wilder D. (eds.) *Social Identity, Inter-Group Conflict and Conflict Resolution*. Oxford: Oxford University Press. P. 71—100.
33. Coenders M., Scheepers P. (2003) The Effect of Education on Nationalism and Ethnic Exclusionism: An International Comparison. *Political Psychology*. Vol. 24. No. 2. P. 313—343. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00330>.
34. Davidov E. (2009) Measurement Equivalence of Nationalism and Constructive Patriotism in the ISSP: 34 Countries in a Comparative Perspective. *Political Analysis*. Vol. 17. No. 1. P. 64—82 <https://doi.org/10.1093/pan/mpn014>.
35. Delener N. (1990) The Effects of Religious Factors on Perceived Risk in Durable Goods Purchase Decisions. *Journal of Consumer Marketing*. Vol. 7. No. 3. P. 27—38.
36. Deraman N. A., Razak F. (2018) H. A Study of Unity and Patriotism Elements in Film Ola Bola: a Thematic Analysis. *Journal of Media and Information Warfare*. Vol. 11. No. 2. P. 80—107.

37. Djupe P, Calfano B. (2013) *God Talk: Experimenting with the Religious*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
38. Djupe P, Gilbert C. (2003) *The Prophetic Pulpit: Clergy, Churches, and Communities in American Politics*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
39. Evans M., Kelley J. (2002) National Pride in the Developed World: Survey Data from 24 Nations. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 14. No. 3. P. 303—338. <https://doi.org/10.1093/ijpor/14.3.303>.
40. Fabrykant M., Magun V. (2019) Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996—2015. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 47. No. 1. P. 20—37. <https://doi.org/10.1017/nps.2018.18>.
41. Fearon J. (2003) Ethnic and Cultural Diversity by Country. *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. No. 2. P. 195—222.
42. Gerbner G., Gross L. (1976) Living with Television: The Violence Profile. *Journal of Communication*. Vol. 26. No. 2. P. 182—190.
43. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. (1980) The “Mainstreaming” of America: Violence Profile No. 11. *Journal of Communication*. Vol. 30. P. 10—29.
44. Ginosar A (2015) Understanding Patriotic Journalism: Culture, Ideology and Professional Behavior. *Journal of Media Ethics*. Vol. 30. No. 4. P. 289—301. <https://doi.org/10.1080/23736992.2015.1082915>.
45. Ginosar A., Cohen I. (2019) Patriotic Journalism: An Appeal to Emotion and Cognition. *Media, War & Conflict*. Vol. 12. No. 1. P. 3—18. <https://doi.org/10.1177/1750635217710678>.
46. Ginosar A., Konovalov I. (2015) Patriotism on the Internet: Journalists’ Behavior and User Comments. *Media, War and Conflict*. Vol. 8. No. 3. P. 368—383. <https://doi.org/10.1177/1750635215607813>.
47. Goode J. (2016) Love for the Motherland (or Why Cheese is More Patriotic than Crimea). *Russian Politics*. Vol. 1. No. 4. P. 418—449. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00104005>.
48. Ha S. E., Jang S.-J. (2015) National Identity, National Pride, and Happiness: The Case of South Korea. *Social Indicators Research*. Vol. 121. No. 2. P. 471—482. <https://doi.org/10.1007/c11205-014-0641-7>.
49. Hoyt C., Goldin A. (2016) Political Ideology and American Intergroup Discrimination: A Patriotism Perspective. *Journal of Social Psychology*. Vol. 156. No. 4. P. 369—381.
50. Ishio Y. (2010). Social Bases of American Patriotism Examining Effects of Dominant Social Statuses and Socialization. *Current Sociology*. Vol. 58. No. 1. P. 67—93. <https://doi.org/10.1177/0011392109348546>.
51. Kenworthy S., Agadjanian A. (2021) *Understanding World Christianity Russia*. Minneapolis, MN: Fortress Press.

52. Kollner T. (2020) Religion and Politics in Contemporary Russia: Beyond the Binary of Power and Authority. London: Routledge.
53. Kose T., Cinar K. (2024) A Global Assessment of the Relationship between Religiosity and Financial Satisfaction. *The Social Science Journal*. Vol. 61. No. 2. P. 347—367. <https://doi.org/10.1080/03623319.2020.1808769>.
54. Leung Y. W. (2004) Nationalistic Education and Indoctrination. *Citizenship Social and Economics Education*. Vol. 6. No. 2. P. 116—130. <https://doi.org/10.2304/csee.2004.6.2.116>.
55. Levi M. (1997) Consent, Dissent and Patriotism. Cambridge: Cambridge University Press.
56. Lummis C. D. (1996) Radical democracy. Ithaca, NY: Cornell University Press.
57. Mellado C. (2015) Professional Roles in News Content: Six Dimensions of Journalistic Role Performance. *Journalism Studies*. Vol. 16. No. 4. P. 596—614. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2014.922276>.
58. Mellado C., Márquez-Ramírez M., Mick J., Oller Alonso M., Olivera D. (2017) Journalistic Performance in Latin America: A Comparative Study of Professional Roles in News Content. *Journalism*. Vol. 18. No. 9. P. 1087—1106.
59. Mußotter M. (2022) We do not Measure what we Aim to Measure: Testing Three Measurement Models for Nationalism and Patriotism. *Quality & Quantity*. Vol. 56. No. 3. P. 2177—2197. <https://doi.org/10.1007/s11135-021-01212-9>.
60. Nathanson S. (1993) Patriotism, Morality and Peace. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
61. Nincic M., Ramos J. (2012) The Sources of Patriotism: Survey and Experimental Evidence. *Foreign Policy Analysis*. Vol. 8. No. 4. P. 373—388.
62. Nussbaum M. C. (2002) Patriotism and Cosmopolitanism. In: Nussbaum M., Cohen J. (eds.) *For Love of Country*. Boston: Beacon. P. 2—17.
63. Okulicz-Kozaryn A. (2010) Religiosity and Life Satisfaction Across Nations. *Mental Health, Religion & Culture*. Vol. 13. P. 155—169. <https://doi.org/10.1080/13674670903273801>.
64. Parker C. (2010) Symbolic versus Blind Patriotism: Distinction without Difference? *Political Research Quarterly*. Vol. 63. No. 1. P. 97—114. <https://doi.org/10.1177/1065912908327228>.
65. Pozen D. E. (2008) We Are All Entrepreneurs Now. *Wake Forest Law Review*. Vol. 43. P. 283—340.
66. Richey S. (2011) Civic Engagement and Patriotism. *Social Science Quarterly*. Vol. 92. No. 4. P. 1044—1056. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2011.00803.x>.
67. Richters K. (2012) The Post-Soviet Russian Orthodox Church Politics: Culture and Greater Russia. London: Routledge.

68. Roth D. M., Lyons E., Chrysochoou X. (2005) National Attachment and Patriotism in a European Nation: A British Study. *Political Psychology*. Vol. 26. No. 1. P. 135—155. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2005.00412.x>.
69. Rupar M., Jamróz-Dolińska K., Kołeczek M., Sekerdej M. (2020) Is Patriotism Helpful to Fight the Crisis? The Role of Constructive Patriotism, Conventional Patriotism, and Glorification Amid the COVID-19 Pandemic. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 51. P. 862—877. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2777>.
70. Saputra B., Murdiono M., Tohani E. (2023) Nationalism Education in Elementary School: A Systematic Literature Review. *International Journal of Evaluation and Research in Education*. Vol. 12. No. 2. P. 739—749. <https://doi.org/10.11591/ijere.v12i2.24609>.
71. Sardoc M. (2017) The Anatomy of Patriotism. *Anthropological Notebooks*. Vol. 23. No. 1. P. 43—55.
72. Sharimakin A., Alao R. O., Omosuyi O. (2024) Foreign Remittances, Deprivation and Patriotism. *Quality & Quantity*. Vol. 58. No. 1. P. 753—780. <https://doi.org/10.1007/s11135-023-01662-3>.
73. Smith T., Kim S. (2006) National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/04. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 18. P. 127—136. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edk007>.
74. Staub E. (1997) Blind versus Constructive Patriotism: Moving from Embeddedness in the Group to Critical Loyalty and Action. In: Bar-Tal D., Staub E. (Eds.) *Patriotism in the Lives of Individuals and Nations*. Chicago: Nelson-Hall. P. 213—228.
75. Sullivan G. (2014) Collective Pride, Happiness, and Celebratory Emotions: Aggregative, Network, and Cultural Models. In: Scheve C., Salmella M. (Eds.) *Collective Emotions. Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology*. Oxford, UK: Oxford University Press. P. 266—280.
76. Sutantopntoi N. W., Watt H. M.G. (2013) Attribution and Motivation: Gender, Ethnicity, and Religion Differences Among Indonesia University Students. *International Journal of Higher Education*. No. 2. P. 12—21. <https://doi.org/10.5430/ijhe.v2n1p12>.
- Torgler B., Schneider F. (2007) What Shapes Attitudes Toward Paying Taxes? Evidence From Multicultural European Countries. *Social Science Quarterly*. Vol. 88. No. 2. P. 443—470. <https://doi.org/10.2139/ssrn.901247>.
77. Trittler S. (2017) Explaining Differences in the Salience of Religion as a Symbolic Boundary of National Belonging in Europe. *European Sociological Review*. Vol. 33. P. 708—720. <https://doi.org/10.1093/esr/jcx069>.
78. Trotsuk I. (2017) Some 'Indicators' to 'Measure' Patriotism in the Contemporary World. *Sociološki Pregled*. Vol. 51. No. 3. P. 371—391. <https://doi.org/10.5937/socpreg51-15766>.

79. Walker C. (1994) *Ethnonationalism: The Quest for Understanding*. Princeton University Press.
80. Ward S. (2010). A Theory of Patriotism for Global Journalism. In: Ward S., Wasserman H. (eds.) *Media Ethics Beyond Borders: A Global Perspective*. New York, NY: Routledge. P. 42—58.